

знаков: *тюк* 'чулок', *тюпа* 'конец мотни невода; узкая центральная конусообразная часть невода; мошня, хвост бредня или невода', *тюпас* 'небольшая осиновая лодка-долбленка', *тюпа* 'повседневная обувь', *тюпы* 'валенки с обрезанными голенищами или без голенищ'; *тупой* 'удаленный от центра, глухой (о местности)', *тюпки* 'дальние деревни, захолустье', *тюпика* 'окраина деревни'; *тупяк*, *тупяк* 'кончик пальца'.

Ср. также *тюка* 'предел, конец': *Работы много у нас, тюки еще не видно; дойти до тюки* 'дойти до крайности, до завершения чего-л.': *При таком темпе никогда до тюки не дойдешь* (якут.); *тюкано дело* 'решенное дело, конец' (влг.).

5. В этом контексте могут интерпретироваться как заимствования рус. литер. *тупик* 'улица, не имеющая сквозного прохода, проезда; отсутствие сквозного прохода или продолжения чего-л., в чем-л.', которое на фоне гнезда *тупой* выглядит семантически изолированным образованием, а также рус. литер. *тупик* 'безвыходное положение', диал. *тупик* 'беда, несчастье'. Последнее (в отличие от *тюка*, *тюпа* 'нужда и пр.') соответствует приведенным в п. 3 прибалтийско-финским лексемам не только семантически, но и формально.

О. А. Могила
Киев (Украина)

О некоторых украинско-южнославянских параллелях

Украинские карпатские говоры – одни из наиболее архаичных в сфере лексики и семантики, сохраняющие как уникальные черты традиционной культуры, так и ряд соответствий в терминологии и обрядах. Интересными с лингвистической точки зрения являются дистантные украинско(карпатские)-южнославянские параллели, которые могут выступать как локальные соответствия, так и генетически родственные факты, сходные инновации. Начало весны на Балканах связано с легендой о «мартовской» старухе, инвариант сюжета которой, по наблюдениям Г. И. Кабаковой, известен практически всем средиземноморским народам, а также их соседям на Балканах [Кабакова, 1994, 209]. Подробный анализ структуры и географии этой легенды представлен в работах Г. И. Кабаковой, А. А. Плотниковой, Н. Г. Голант.

У гуцулов *баба Євдоха*, в отличие от балканского мифологического образа бабы Марты, является одной из наиболее пагубных фигур мифологии, третьей после *дiтька* и *утерiв* [Кайндль, 2000, 97–98]. Резкое похолодание в марте гуцулы объясняют легендой о бабе *Еудохе* (*Дук'ийе, Дот'е*), которая олицетворяет уходящую зиму, и считают, что *баба Євдоха* наводит на землю суровую *в'ихолу*, которая повторяется ежегодно в марте [Там же, 98]; ср. также гуц. *Одок'ийа гонит кози в бр'їст* (Розтоки, Ивано-Франк. обл.); *фил'ї йаўдока гонит*, и, согласно народному верованию, *вона майе вигнат' сорок фил' – то дошч, то сн'їз, то сонце* (Шепот, Черновиц. обл.).

В украинских буковинских селах существует также легенда о бабе Дукие, но, в отличие от гуцульских, *Дукия* выступает в ней как нейтральный персонаж: *баба*

Дук'іа йшла ў гост'і до дочки, ўд'агнулас'ў дванац'ат' кожух'іў, а сн'іг і дошч. Коли змочиц'а, скине кожуха, кинула посл'ідн'ій, бо ўже видно було село, доки дойшла, то замерзла (Михалково, Черновиц. обл.). С указанным сюжетом легенды соотносится обширный пласт метеорологической лексики, им объясняется происхождение переменной погоды со снегом в начале весны: *йаўдошин сн'іг, бабин дук'іа сн'іг* (Михалково, Черновиц. обл.), *йеўдоха гул'айе, баба дук'іа труси своіх кожухи* (Нелиповцы, Черновиц. обл.), *баба йаўдоха дванадц'ат' ден' гул'айе* (Ливинцы, Чнв), *баби дук'іа сн'іг* (Старые Бросковцы, Черновиц. обл.), *йеўдока мете* (Милиево, Черновиц. обл.). В закарпатском говоре с Драгово снег в марте называют *бабыны ыготы* (*у березн'і, колы холодно, іде сн'іг, зав'ір'уха, сн'іг пролетит'сквоз'стоўтец'на обороз'і*) и также соотносят его с праздником Евдокии.

Некоторые названия весеннего снега, зафиксированные в карпатских говорах, возможно, тоже связаны с легендой о мартовской старухе, поскольку указывают на животных, которые принадлежали старухе: *йагн'ачий сн'іг* (Брустуры, Ивано-Франк. обл.; Луг, Луги, Косовская Поляна, Черная Тиса, Закарпат. обл.), *стрижачий сн'іг* (Луг, Закарпат. обл.), *тел'ачий сн'іг* (Брустуры, Ивано-Франк. обл.), *овеча студ'ін'і* 'похолодание вначале лета' (Черепковцы, Черновиц. обл.).

Замкнутые изоглоссы целого ряда карпато-балканских элементов были обнаружены и в полесских говорах: в восточном Полесье существует верование, согласно которому молния без грома может выжигать ядра орехов. Этим и мотивировано полесское название молнии без грома *ар'іхава маланка* (Гнатовка, Чернигов. обл.). В полесских говорах лексема *маланка* расширила семантику: *маланкой* называют также темный пустой орех [Лисенко, 122]. В этом случае наблюдается семантическая трансформация: 'молния без грома' > 'молния без грома, которая сжигает ядра орехов' > 'пустой орех, ядро которого сожгла молния' > 'пустой орех'. Подобный переход наблюдаем и в лексеме *зиговиц'а*, которая употребляется в среднеполесском говоре в значении 'молния (преимущественно без грома)' и 'темный, пустой, с испорченным ядром орех' [Лисенко, 83]. На Бойковщине такие орехи называют *захмуленими*, их урожай также связывается с народными метеорологическими представлениями: *йак на Івана гримит, будут оріхи захмулені* [Онишкевич, 1, 299]. Аналогичные верования, связанные с комплексом 'гром : орех', встречаем и в гуцульских коломыйках: *аби було не грим'іло на Петра, на Івана, я би була тоб'і, л'убку, гор'ішк'іў нарвала* (Чорна Тиса, Закарпат. обл.), *коби не грим'іло в Петріўку, на Івана, я би свому милен'кому гор'ішк'іў набрала* (Луги, Закарпат. обл.), поскольку *на Івана йак гримит', то рудає'іўт'гор'іхи; йак на Івандел'дошч, то кажут'шчо ўсе порудає'іло: гор'іхи, сліўки, ўсе рудає* (Луги, Закарпат. обл.), а *руда* - это еще и 'пустой от слякоти орех' (Луг, Закарпат. обл.).

Семантический комплекс 'молния : орех' встречается также и у южных славян. Как правило, эти поверья приурочены к календарному празднику св. Ильи. Сербы верят, что *да ће лешници омаћати, ако грми уочи св. Илије или на Илиндан* [Бадаланова, 1983, 86]. Болгары считают, что *кога гръми на св. Илија, орѣси-ты ѝ лѣцници-ты прѣзь това лѣто бивають повяче цюпливиѝ* [Геров, 2, 325].

Таким образом, к семантическому комплексу, который подает Ф. К. Бадаланова: полесский ряд 'рябиновая ночь' > 'молния без грома' > 'пустой (сожженный) орех' и южнославянский - 'Илинден' > 'гром' > 'пустой орех', можно добавить еще два гуцульских ряда: 'Ивана Купала' > 'гром' > 'пустой орех' и 'Петровка' > 'гром' > 'пустой орех'.

Бадаланова Ф. К. «Ореховая маланка»: (К интерпретации поверий, связанных с орехом и молнией) // *Полесье и этногенез славян: Предварит. мат-лы и тез. конф.* М., 1983. С. 86–87.

Кабакова Г. И. Структура и география легенды о мартовской старухе // *Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал.* М., 1994. С. 209–222.

Кайндль Р. Гуцулі: їх життя, звичаї та народні перекази. Чернівці, 2000.

Чорі Ю. С. Слово – не полова. Закарпатські народні прислів'я, приповідки, приказки, каламбури. Ужгород, 1995.

О. Т. Молчанова
Щецин (Польша)

Географические имена Алтая на картах XVI–XIX вв.

При изучении географических карт закономерным является вопрос о том, могут ли они помочь в установлении эволюции топонимов на территории Сибири. Дело в том, что русские карты Сибири первой половины XVII в. истории неизвестны. Наиболее ранний общий чертеж, изображавший все восточные земли русского государства от Волги до Тихого океана составлен только при царе Алексее Михайловиче [Бородаев, Контев, 2007, 48].

Сибирью русские летописи XV–XVI вв. называли Сибирское ханство, возникшее в результате распада империи Чингисхана. В конце XV в. столица этого государства была перенесена из Тюмени в город Искер (Кашлык) на правом берегу Иртыша, напротив устья Тобола. В XVI в. земли Сибирского ханства простирались от восточных склонов Уральских гор до среднего течения Оби. На территориях за его пределами кочевали племена, о которых не сохранилось никаких свидетельств в русских летописях [Там же, 47].

В свое время часть копий карт, относящихся к Алтаю и составленных иностранными картографами и путешественниками в XVI–XVII вв., была передана мне Михаилом Федоровичем Розеном. Я говорила о них в своем докладе в Новосибирске в 2007 г. С другими картами мне удалось познакомиться благодаря упомянутой книге В. Б. Бородаева и А. В. Контева, а также благодаря собранию карт в книге К. Небензала [Nebenzahl, 2005]. Подлинники карт Сибири XVII–XVIII вв. хранятся в Упсале (Швеция), Амстердаме (Нидерланды), Вроцлаве (Польша); подлинник одной из карт С. У. Ремезова находится в США.

Первые карты Сибири вырисовывались не на основе системы астрономических координат, а по рекам. И только в середине XVIII в. в российской картографии произошел переход к астрономическим координатам.

Карта № 1 из анализируемого цикла названа так: «Карта разграничения земель Сибири и сопредельных территорий, созданная в Тобольске неизвестным автором в 1673 г. Копия С. У. Ремезова конца XVII в.» Здесь четко обозначены *Земля Китайского царства*, *Земля Черных Мунгал*, *Земля Желтых Мунгал*, *Земля Белых Мунгал*. Бассейн *Телецкого озера* и земли к востоку от него обозначены как *Земли алтырцов* и *теленбинцов*. Их соседями на западе оказываются *Земли Белых*